КАК ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ ГОВОРЯ...

Маяковский в мексиканском цирке. Мексика, 1925 год.
Фото В. КУЗНЕЦОВА.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

За годы Советской власти книги поэта издавались 1.198 раз тиражом 143.890.000 экземпляров на 84 языках народов СССР и зарубежных стран (сведения на 1 января 1983 г.). Только в последние годы вышло несколько собраний сочинений поэта: в издательстве «Правда» — в 12 томах (1978); в «Художественной литературе» — трехтомник избранных произведений (1978) и двухтомник (1982), а также сборник «Стихотворения. Поэмы. Пьесы» (1983). Появилось к юбилею немало отдельных произведений и сборников поэта в «Советской России», Воениздате, «Молодой гвардии», в «Книге», «Современнике», «Детской литературе», в республиканских издательствах «Литература артистикэ», «Мерани», «Накадули», в ряде областных книжных издательств. В серии «Писатели о творчестве» издательства «Советская Россия» выходит книга «Слово в бою», в которой собраны статьи, заметки, выступления Маяковского о проблемах художественного и поэтического мастерства.

Велика библиография произведений, посвященных творчеству и личности поэта Октября. Теперь к ней прибавится еще ряд трудов. Это монография Б. Гончарова «Поэтика Маяковского. Лирический герой послеоктябрьской поэзии и пути его художественного утверждения», только что вышедшая в издательстве «Наука». И сборник работ ученых союзных республик «Маяковский и литература народов Советского Союза», подготовленный Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и выпущенный издательством Ереванского университета в серии «Русская классика и литература народов СССР». Привлечет внимание читателей и книга В. Коркина «Маяковский на Красной Пресне» (издательство «Московский рабочий»), раскрывающая значение пролетарского революционного района Москвы в жизни и творческом развитии великого поэта. Воспоминания современников и личное общение с Маяковским помогли автору этой книги воссоздать облик и склад характера поэта, его литературную и общественную деятельность.

Три книги подготовило к юбилею поэта издательство «Советский писатель»: В. Катанян «В. В. Маяковский. Хроника жизни и деятельности», В. Альфонсов «Нам слово нужно для жизни. Поэтический мир В. Маяковского» и сборник «В мире Маяковского».

Василий Абгарович Катанян (1902 — 1980) работал над книгой всю свою творческую жизнь. Она выдержала четыре издания (последнее — в 1961 году). За два десятилетия появилось много новых материалов о Маяковском и его окружении. Автор, готовя свою монографию к пятому изданию, существенно дополнил ее.

Книга В. Альфонсова посвящена поэзии раннего Маяковского. Центральная проблема монографии — лирический герой Маяковского в соотношении с позицией, занятой поэтом в литературно-художественном движении эпохи, и традициями русской и мировой культуры. Книга охватывает большой материал не только литературы, но и живописи, которая сыграла важную роль в становлении Маяковского.

Сборник «В мире Маяковского» подготовлен Литературным институтом имени А. М. Горького. Опираясь на большой опыт изучения творчества поэта, авторы книги — известные писатели, критики, литературоведы — стремятся ввести в научный оборот новые материалы и поднять разговор о творческом наследии поэта на более высокую ступень. Глубокая связь Маяковского с отечественной классической литературой, его эстетика и поэтика, значение его традиций в советской и мировой поэзии — таковы основные темы и проблемы сборника.

В поэме Владимира Маяковского «Хорошо!» есть строки: «Я в комнатенке-лодочке проплыл три тыщи дней». Он поселился в этой квартире в марте 1919 года и прожил здесь 11 лет. Эта комната была его поэтической лабораторией, здесь родились поэмы «Летающий пролетарий», «Про это», стихотворение «Разговор с товарищем Лениным» и другие произведения. Над письменным столом — фотография Владимира Ильича, к которой были обращены известные строки поэта. Маяковский любил эту комнату в центре Москвы, и даже когда получил квартиру в Гендриковом переулке (ныне — переулок Маяковского), то обратился в жилищный отдел ВСНХ с просьбой сохранить за ним его комнату в Лубянском проезде, в которой он продолжал работать до конца жизни. Отсюда начинался ежедневный маршрут поэта в редакции газет и журналов.

Обстановка комнаты необычайно скромная: письменный стол, книжный шкаф и диван.

Свое отношение к библиотеке и собирательству книг поэт выразил в ответах на анкету «Писатель и книга» в 1926 году: «Хорошо, если нужны для работы. Коллекция неразрезанных книг отвратительна».

Вся библиотека поэта уместилась на полках небольшого книжного шкафа: полные собрания сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова и Большая Советская Энциклопедия. В фондах музея хранятся подписные квитанции на эти издания, заполненные рукой В. В. Маяковского. На квитанциях — адрес: «Лубянский пр., 3, кв. 12».

Ленинскими трудами В. Маяковский заинтересовался еще в гимназические годы.

В его библиотеке около тридцати ленинских работ, мемуарная литература о В. И. Ленине.

О широте читательских интересов В. Маяковского и его эрудиции свидетельствуют стоящие на полках книги К. А. Тимирязева «Основные черты истории развития биологии в XIX столетии» и популярное изложение теории относительности А. Эйнштейна, книга известного немецкого ученого Вальтера Ратенау «Механизация жизни» и книги К. Э. Циолковского «Общественная организация человечества» и «Прошедшее земли». Несомненно, под влиянием идей о космических полетах родилась поэма «Летающий пролетарий».

Особенно увлекала поэта теория относительности А. Эйнштейна. Актер В. Зайчиков, участник постановок пьес В. Маяковского в театре В. Мейерхольда, задал однажды вопрос:

— Отчего в ваших пьесах, Владимир Владимирович, речь идет о времени?

— Время, оказывается, можно ускорить, можно преодолеть тяжесть времени. Я всегда ненавидел медленно текущее время, оно отделяет от нас будущее человечества. Я когда-нибудь напишу пьесу о человеке, который сумел убыстрить время.

Так под влиянием прочитанного рождались темы и образы. Поэт постоянно следил за развитием технического прогресса. Отправляясь в поездки по городам Советского Союза, он часто брал с собой литературно-художественные и технические журналы и внимательно прочитывал их.

В 1929 году Маяковский принимал участие во Всесоюзном слете изобретателей. Под влиянием некоторых выступлений, вероятно, и возник образ изобретателя Чудакова в пьесе «Баня». Поэт не случайно дает ему такую фамилию. Сам он объясняет это в одной из своих статей так: «Я выступал на съезде изобретателей и знаю, что изобретатель действительно прежде всего чудаковатый человек. Я знаю изобретателей как людей, занятых своей идеей»...

На одной из полок книжного шкафа — журнал «Изобретатель» № 10 за 1929 год. На странице 29-й опубликованы стихотворения «Изобретательская семидневка» и «Анчар» (поэма об изобретательстве), написанные под влиянием выступлений на слете. А перевернув страницу, увидим статью Ю. Милонова «Как «вынашивать» свое изобретение».

В библиотеке поэта есть и книга Ю. Милонова «История паровой машины». И целая серия книг по технике безопасности в горной промышленности. Немало также научно-популярных и общественно-политических журналов. Как вспоминал А. Родченко, работавший с поэтом над рекламными плакатами, Владимир Владимирович «перечитывал большое количество отчетов, скучных книг, выписывал цифры, которые впоследствии использовал в работе».

Известно, какой большой интерес проявлял Владимир Владимирович к цирку. Он дружил с замечательным клоуном Виталием Лазаренко, был знаком с В. Дуровым. В его библиотеке есть книга В. Дурова «О сильных мира того», возможно, подаренная автором.

На полках много журналов, освещающих жизнь кинематографа и театра. Рядом книги о театре: Н. Дризена «Драматическая цензура 2-х эпох 1825—1881», «Аристофан. Театр», «Временник русского театрального общества» 1925 г. с большой статьей о В. Мейерхольде.

Работая над сатирическими пьесами («Мистерия-Буфф») и агитпьесами, поэт изучал историю русского народного театра. В книжном собрании Маяковского мы видим книгу П. Богатырева «Народный театр», где подробно анализируется репертуар русского народного театра, композиции пьес, костюмы, поэтические приемы и т. д.

Читатель вправе спросить: «А была ли художественная литература в библиотеке поэта?». Да, была, правда, ее немного; не забудем — это «рабочая библиотека». Под рукой поэта были любимые авторы — А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, В. М. Гаршин и другие. Маяковский внимательно следил и за новинками переводной литературы.

Одним из самых любимых поэтов был Пушкин. На полках маленькие, тоненькие книжки: «Пиковая дама», «Дубровский», «Драматические сцены», «Полтава», «Барышня-крестьянка», «Поэмы». Как-то на одном из выступлений Маяковского спросили, читает ли он Пушкина. Владимир Владимирович ответил, что знает его наизусть. Действительно, многие современники поэта вспоминают, что он мог часами читать целые главы из «Евгения Онегина», «Медного всадника», сцены из «Бориса Годунова»...

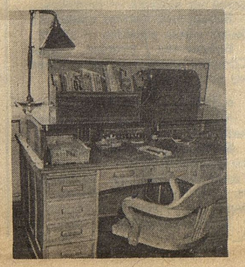
В библиотеке много книг с автографами от друзей, собратьев по перу.

Интересна надпись на книге Ильи Садофьева «Динамо-стихи»: «Пророку революции, тов. Владимиру Маяковскому. Автор И. Садофьев II год Советского Века».

Маяковский нередко знакомился с рукописями еще неизданных стихов, обладая прекрасной памятью, он запоминал полюбившиеся ему строки, часто и охотно их цитировал. В последние годы он увлекался мемуарами, с удовольствием читал воспоминания А. Я. Панаевой и актера П. М. Медведева. Одним из последних произведений, которые он прочел, был роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Маяковский и книга — нерасторжимое понятие. В уже упоминавшейся анкете «Писатель и книга» на вопрос «Книги и ваша литературная работа» Владимир Владимирович ответил: «Иногда книги помогают мне, иногда я — книге».

Л. КОЛЕСНИКОВА,
заведующая мемориальным фондом Государственного музея В. В. Маяковского.



Рабочий стол поэта.
Фото С. ВЫСОЦКОГО.

Гравюра Николая Калиты.

СЛОВО О ПОЭТЕ

Максим ГОРЬКИЙ

Маяковский ищет слияние с народными массами и свое «я» понимает как символ массы, до дна поднятой и взволнованной войной. Маяковский.., поднимая вопросы общественной совести, социальной ответственности, несет в себе ярко выраженное русское национальное начало.

Микола БАЖАН

Молодая украинская советская поэзия крепла под его влиянием. ...Пусть не располагаем мы своих строк «лестницей Маяковского», но мы по этой лестнице взошли к тому чувствованию слова, языка, лексикона, образа, эпитетов, а прежде всего — к тому строю чувств и страстей, которыми горел Маяковский и которые не угаснут в советской поэзии.

Ираклий АБАШИДЗЕ

Пожалуй, со дня сотворения мира ни один поэт не оказал такого заметного влияния на творчество мастеров стиха разных национальностей, направлений, диапазонов и масштабов, как Владимир Владимирович Маяковский. И если говорить о влиянии Маяковского на советскую грузинскую поэзию, то, видимо, надо начать разговор с его воздействия на всю мировую поэзию.

Расул ГАМЗАТОВ

Маяковский был, есть и будет. Сила воздействия его стихов растет с каждым днем. С каждым днем они приобретают все более глубокое значение и новое звучание. Поэзия Маяковского — это русло, по которому устремится вперед течение нашей поэзии.

Михаил ДУДИН

ОБРАЩЕНИЕ К КАВКАЗУ

Кавказ предо мной
развернулся опять.
Найду ли живые краски я,
Чтоб попросту,
ясным стихом описать
Ущелья и горы Кавказские.
Они опускаются
глыбами
скал
К подножию Каспия плоского.
Мне дорог Кавказ
потому, что он дал
Поэзии Маяковского.
Высокого слова
упрямая власть
Дорогу к *Победе проревала.*
...В поэзию входит
партийная страсть.
В партийное дело —
поэзия!..

Я САМ

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Тема

Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Люблю ли я, или я азартный, о красотах кавказской природы также — только если это отстоялось словом.

Главное

Родился 7 июля 1894 года (или 93 — мнения мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае не раньше). Родина — село Багдады, Кутаисская губерния, Грузия.

Чтение

Беллетристики не признавал совершенно. Философия. Гегель. Естествознание. Но главным образом марксизм. Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем «Предисловием» Маркса. Из комнат студентов шла нелегальщина. «Тактика уличного боя» и т. д. Помню отчетливо синенькую ленинскую «Две тактики». Нравилось, что книга срезана до букв. Для нелегального просовывания. Эстетика максимальной экономии.

Третий арест

Живущие у нас ведут подкоп под Таганку. Освобождать женщин-каторжан. Удалось устроить побег из Новинской тюрьмы. Меня забрали. Дома нашли револьвер и нелегальщину. Сидеть не хотел. Скандалил. Переводили из части в часть — Басманная, Мещанская, Мясницкая и т. д. — и наконец — Бутырки. Одиночка № 103.

Начало 14-го года

Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной. Думаю над «Облаком в штанах».

Октябрь

Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось. Начинают заседать.

20-й год

Кончил «Сто пятьдесят миллионов». Печатаю без фамилии. Хочу, чтоб каждый дописывал и лучшил. Этого не делали, зато фамилию знали все. Все равно. Печатаю здесь под фамилией.

Дни и ночи РОСТа. Наступают всяческие Деникины. Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей.

1926-й год

В работе сознательно перевожу себя на газетчика. Фельетон, лозунг. Поэты улюлюкают — однако сами газетничать не могут, а больше печатаются в безответственных приложениях. А мне на их лирический вздор смешно смотреть, настолько этим заниматься легко и никому, кроме супруги, не интересно.

Пишу в «Известиях», «Труде», «Рабочей Москве», «Заре Востока», «Бакинском рабочем» и других.

Из краткого автобиографического очерка «Я сам».

УДАРНОЕ КРАСНОРЕЧИЕ

Александр Блок о творчестве Владимира Маяковского

Литературные взаимоотношения двух выдающихся советских поэтов продолжают интересовать исследователей. В связи с отмечавшимся в 1980 году столетием со дня рождения Блока в печати появились некоторые документальные материалы о личных отношениях поэтов. Известно, что Блок присутствовал на первом представлении (2 декабря 1913 г.) трагедии «Владимир Маяковский» и назвал автора трагедии, исполнявшего также и главную роль, «замечательным» и отметил его «демократичность». Но до сих пор неизвестно, когда Блок впервые обратил внимание на стихи Маяковского, и сохранилось очень мало сведений об их встречах, которых было, вероятно, не так уж много. Об этих малоизвестных фактах и пойдет речь.

В декабре 1912 года Маяковский дебютировал в сборнике «Пощечина общественному вкусу» двумя стихотворениями «Ночь» и «Утро», а месяцем раньше (удалось уточнить дату — 17 ноября) он впервые публично выступил с чтением своих стихов в Петербурге в артистическом подвале «Бродячая собака». Печать откликнулась на это чтение сообщением о «московском поэте, прочитавшем несколько своих стихотворений, в которых слушатели сразу почувствовали настоящее большое поэтическое дарование». Сборник, в котором дебютировал Маяковский, сразу стал значительным литературным событием. Среди читателей, заинтересовавшихся стихами никому не известного поэта, был и Александр Блок.

В собрании известного ленинградского коллекционера М. С Лесмана находится сборник «Пощечина общественному вкусу», принадлежавший Блоку. Стихотворения Маяковского отчеркнуты красным карандашом, и это достаточно примечательный факт. Блок обратил внимание на Маяковского, начиная с первых шагов его в литературе.

В личной библиотеке Блока, находящейся в Пушкинском Доме (Институт русской литературы), сохранилось первое издание поэмы «Облако в штанах» с надписью: «А. Блоку В. Маяковский расписка — всегдашней любви к его слову». На полях этой поэмы — «неслыханной вещи», по отзыву Хлебникова, — также есть отчеркивания Блока. В этих пометах ощущаются какая-то последовательность, сквозная мысль, система. Блоком отчеркнуты все строки поэмы, группирующиеся вокруг слов «сердце» и «душа». Блок словно бы отмечает, с какой смелостью Маяковский обновляет контекстом эти «истрепанные, как пословица» поэтизмы и присматривается к самохарактеристикам внутреннего мира поэта. «Романтическая» любовная линия поэмы, судя по отчеркиваниям, не вызывает внимания Блока. Напротив, отчеркнуто все, что касается задач и мук творчества — той цены, которую поэт платит за свои слова. Все отчеркивания Блока относятся собственно к Маяковскому-поэту.

Несомненный интерес представляет другой малоизвестный эпизод — совместное выступление обоих поэтов 20 февраля 1919 года на 39-м «Вечере поэтов» в литературно-артистическом кабаре «Привал комедиантов». Этот факт не попал в биографию Блока, а в литературной хронике Маяковского датируется ошибочно.

Блок в записной книжке 20 февраля кратко упомянул о своем участии в этом вечере, но Маяковского почему-то не назвал. Ставшая недавно известной дневниковая запись поэта М. Кузмина, а также его газетный отчет, напечатанный вскоре после вечера поэтов, позволяют уточнить дату и утверждать, что именно 20, а не 27 февраля, как отмечено в хронике Маяковского, на вечере в «Привале комедиантов» выступил Блок и сверх программы — Маяковский.

Дневниковая запись Кузмина датирована 7 февраля по старому стилю, что соответствует 20 февраля нового стиля: «Читали мрачно довольно. Потом вылез Маяковский, и все поэты попрятались в щели. Наверху Луначарский читал пьесу...»

В газетном отчете Кузмин подробно рассказал об этом вечере (дата не указана): «После долгого перерыва в «Привале комедиантов» возобновились вечера поэтов... Прочли стихи А. Блок, Б. Евгеньев, Г. Иванов, Кузмин, Курдюмов, Ляндау, Оцуп, А. Радлова, В. Рождественский... Приблизительно все по-старому и поэты все прежние и читали стихи, кажется, старые и опять было впечатление призрачности и чего-то бездушного... Можно было понять Маяковского, который самосильно явился на эстраду, как фея Коробосс, которую не приглашали на крестины, и стал читать свои стихи, предпослав им вступительное слово. С большим апломбом он бранил только что читавших поэтов, противопоставляя им себя. Ни восторга, ни возмущения это выступление, почти автоматическое, не возбудило, публика лениво посмеялась, потом выслушала хорошо известный «Наш марш». Только режиссеры и антрепренеры с завистью смотрели на Маяковского, думая, какие прекрасные возможности остаются неиспользованными...»

К сожалению, мы не знаем отклика Блока на это выступление Маяковского, он его не оставил, но, несомненно, Блок не относился к числу тех участников вечера, которые, по словам Кузмина, апатично и индифферентно отреагировали на выступление поэта, не выразив «ни восторга, ни возмущения». Как известно, Блок всегда был внимателен к поэтическому слову своих современников, даже начинающих авторов, тем более — к такому явлению, как Маяковский. Сохранилось еще одно свидетельство об этом вечере, так или иначе говорящее об отношении Блока к Маяковскому. Критик П. Медведев вспоминал: «20 февраля в «Привале комедиантов» очередной вечер поэтов. Стоим за кулисами с Блоком. Беседуем и слушаем. На эстраде гремит и глушит, мечет и пожирает Владимир Маяковский. Вдруг Блок обрывает реплику и хватает меня за руку: «Слышите, строчка из Пушкина!». Ему радостно было услышать родное и вечное в том, что в отрицании всего... строит свое удалое красноречие».

Если допустить, что Маяковский в тот вечер читал только программное стихотворение «Наш марш», как засвидетельствовал Кузмин, то, по всей вероятности, Блок имел в виду строки Маяковского «медленна лет арба» и «лет быстролетным коням», перекликающиеся с пушкинской строкой из стихотворения «Телега жизни»: «А время гонит лошадей».

Это меткое и точное наблюдение Блока (в передаче мемуариста) о пушкинской цитате у Маяковского говорит не только о его внимании и интересе к автору «Нашего марша», но и о постоянном желании Блока определить, установить связь между «вечным» — классиками — и новыми поэтами.

Как вспоминает актриса О. Гзовская, неоднократно читавшая в 1918 году «Наш марш» с эстрады, Маяковский сам сравнивал образы своего стихотворения с «Телегой жизни» Пушкина: «Как это — лет арба? — спросила я, — когда говоришь — непонятно». Маяковский серьезно посмотрел на меня и ответил: «Вам же у Пушкина «телега жизни» понятна. Почему же вам непонятна у меня «арба лет»? Разве не ясно? Надо читать без декламации, просто... Все дойдет».

Встреча Блока и Маяковского в «Привале комедиантов» была, вероятно, последней встречей поэтов: через несколько дней — 1 или 2 марта 1919 года Маяковский переехал на постоянное жительство в Москву. Правда, Маяковский, как он вспоминал в некрологической статье о Блоке, присутствовал в мае 1921 года на выступлении Блока в Политехническом музее, но, по-видимому, он только «слушал» Блока, личного разговора не было.

Сохранилась неизданная запись Блока в каталоге личной библиотеки поэта, свидетельствующая о его отношении к творчеству Маяковского и связанная с итоговым сборником «Все сочиненное Владимиром Маяковским», вышедшим в 1919 году: «Удалось достать в «Книжном угле» 9.XII.1919». При всей своей лаконичности эта запись достаточно красноречива.

Александр ПАРНИС.